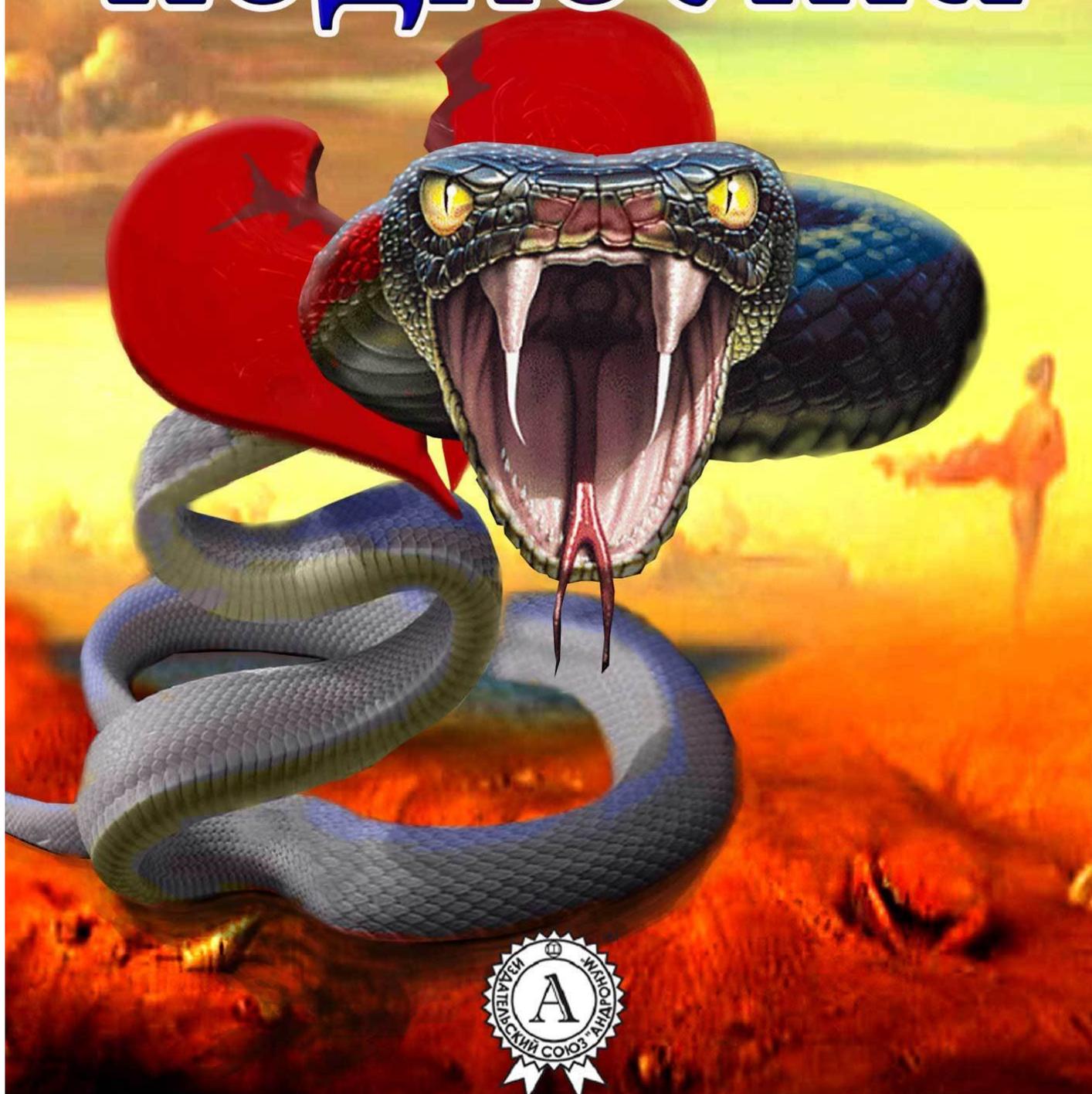

Борис Поломошнов
Егор Поломошнов

Похвала подлости

Борис Поломошнов

Похвала подлости

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Поломошнов Б.

Похвала подлости / Б. Поломошнов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Книга «Похвала подлости» Бориса и Егора Поломошных – это путешествие в тонкий мир психологии подлеца – существа древнего, изощренного и хитрого, которое творит свои каверзные дела испокон веков. Целью авторов книги является разоблачение методов искусной и жесткой игры подлого человека. Она разделена на множество глав, которые повествуют читателю о кредо подлеца, его жизненных принципах торжества над утопающими, о его холодной невозмутимости и черствости. Цитируя мировых писателей и философов, авторы открывают истинное стремление человека подлого: заставить другого страдать, иметь выгоду любыми путями, лгать и втираться в доверие ради собственного величия. Весь мир представляет собой арену извечной борьбы совести и разума с подлостью и глупостью, исход которой зависит от нас – такова основная идея авторов. Книга посвящена широкому кругу читателей, всем, кто желает постичь науку разоблачения подлости и изменения мира к лучшему.

© Поломошнов Б.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
КРЕДО ПОДЛЕЦА	7
СМЕХ ПРОТИВ СТРАХА	16
ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Поломошнов, Егор Поломошнов ПОХВАЛА ПОДЛОСТИ

Авторы выражают свою искреннюю признательность за спонсорскую поддержку во втором издании книги Пихоте Татьяне Юрьевне – руководителю Международного образовательного центра AXIS ЕС.

«Все глупости и подлости род человеческий уже давно совершил и теперь их только повторяет».

Андрей Тарковский. «Андрей Рублев»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга должна была появиться на свет пятьсот лет назад: как естественное продолжение и дополнение «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, «Похвалы подагре» Виллибальда Пиркгеймера, «Похвалы кривосудию» Крота Рубиана, «Корабля дураков» Себастьяна Брандта.

Что же послужило причиной не-написания ее тогда? Через сто лет? Через двести? Через триста?

Ответ давайте искать вместе.

КРЕДО ПОДЛЕЦА

«Совесть – жидовская выдумка».
Адольф Гитлер

Кредо (от лат. *credo* – верю) – символ веры; основа мировоззрения, убеждений.

«**Подлец** – подлый человек, готовый достигать целей своих низким искательством, в ком нет чувства чести» [27, с. 184].

Каждый человек, находящийся в здравом уме и при трезвой памяти, хочет быть счастливым и не хочет быть несчастным.

Это – норма.

Иное – отклонение.

Каждый человек рождается для того, чтобы быть счастливым самому и нести счастье другому.

Это – норма?

Иное – отклонение?

А что если отклонение встречается чаще, чем норма, то в таком случае что из них – норма, а что – отклонение?

Счастье (несчастье) одного связано со счастьем (несчастьем) другого весьма причудливо, затейливо и замысловато.

Подчиненный желает здоровья и счастья постоянно измывающемуся над ним боссу. Наследник – долгих лет жизни своему престарелому богатенькому предку. Бизнесмен – процветания своему конкуренту... Чье еще пожелание может быть *таким*, как эти? Вероятно, только должника, желающего здравия и «многие лета» своему кредитору.

Люди живут среди людей.

Это – норма.

Иное – отклонение.

Относятся же люди друг к другу (некто к никто, враг к врагу) по-разному: от любви до безразличия, и от безразличия до ненависти.

Отношение *одного* к счастью (несчастью) *другого* исчерпывается – ни много – ни мало – семью вариантами (числовое совпадение с тем, чтобы быть «на седьмом небе», с семью пороками, семью добродетелями и «семью кругами ада» просьба считать чистой случайностью).

Первый вариант: человек воспринимает счастье *другого* как свое собственное счастье. Это – доброжелательность.

Второй вариант: несчастье *другого* – мое несчастье. Это – сострадание.

Третий вариант: мне глубоко безразлично несчастье *другого*. Это – черствость.

Четвертый вариант: мне совершенно безразлично счастье *другого*. Это – отрешенность.

Вариант пятый: счастье *другого* вызывает во мне жгучее ощущение моего несчастья. Это – зависть.

Вариант шестой: несчастье *другого* – мое счастье. Это – злорадство.

Вариант седьмой, он же – последний (сразу в двух вполне прозрачных смыслах), отличающийся от предпоследнего всего одним, но зато весьма существенным моментом:

Наивный, произрастающий на «поле чудес в стране...» инфантилизм одних – питательная среда и основа процветания мерзопакостной подлости других.

Зло есть уродливый плод извращенного совокупления подлости с глупостью.

Как сказал Иммануил Кант, «в природе нет злосности (*böses*)» [43, с. 111].

В мире животных обитают *хищники и паразиты*. В людской среде существуют *тираны и подлецы*.

Кто хуже – тиран или подлец?

Велик соблазн сказать, что хуже – оба: ведь и тот и другой губят свои жертвы. Но одно и то же «дело» они *делают* по-разному.

В мире животных *хищник* убивает свою жертву, как правило, сразу. *Паразит* – постепенно.

В мире людей *тиран*, как правило, насильничает. На то он и тиран. *Подлец* же всегда завораживает. На то он и подлец.

Первый из них вызывает у своей жертвы жгучую ненависть и яростный протест. Второй – безудержную любовь его жертвы к нему и ее же страстное желание всецело ему отдаться. Итог же для жертв и того, и другого один и тот же: на то они и жертвы.

Тиран, как правило, примитивен. Оружие тирана – «кляп, дыба, топор».

Подлец – изощрен. Как паразитирующий клещ постепенно внедряет свой кровососущий хоботок в живое тело паразитируемого, так подлец плавно втирается в доверие своей инфантильно-наивной жертвы. Оружие подлнца – маска благожелательности, яд лжи и кинжал иезуитства.

Тиран демонстративно, подчеркнуто, наглядно жесток по отношению к своим жертвам: чтобы другим неповадно было умничать, да и вообще – чтобы боялись.

Подлец же действует исключительно «во благо жертвы».

Нельзя сказать, что тиран лучше подлнца – и тот, и другой находятся «по ту сторону» позитивного участка шкалы ценностей. Зато можно смело сказать, что подлец хуже тирана.

В мире животных хищники, сами того не желая, способствуют сплочению своих потенциальных – парнокопытных, не-парнокопытных, не-копытных – жертв: те становятся в круг, в центре которого помещаются слабые, по периметру располагаются сильные, выражая тем или иным способом свою готовность дать отпор врагу – хищнику. Жертвы же паразитов умирают в одиночку: у животных нет средств коллективной борьбы с паразитами.

В мире людей *тиран*, опирающийся *только* на грубую силу, обречен: порождаемая его жестокостью коллективная жажда возмездия ему раньше или позже, но обязательно оказывается сильнее индивидуального страха перед ним. Как сказал Сенека, «Multos timere debet quem multi timent» – «Многих должен бояться тот, кого многие боятся» [99, с. 16].

Подлец же, опирающийся своими протезами мудрости – хитростью, коварством и изворотливостью – на благочестивую глупость и инфантильную наивность своих жертв, как правило, *недосягаем для мести своих жертв: он всегда старается для них, стремится сделать им «как лучше»*. Получается же у него всегда «как всегда».

Подлец – любому делу конец. Если только это «дело» делается не в его, подлнца, личных или корпоративных интересах.

И, тем не менее, *в глазах своих инфантильно-наивных жертв подлец всегда неуязвим*. Как ему это удастся? Точно так же, как картежному шулеру удастся подменить шестерку на туза: подлец ВСЕГДА ГОТОВ превратить уготованный для своих доверчивых жертв кукиш в указующий перст, направленный в сторону виновника всех их бед, являющегося – о, чудо! – по совместительству его, подлнца, врагом. *несчастье, причиненное мной другому – мое счастье*.

Это и есть подлость.

Ее проявления разнообразны. Суть же – одна и та же. Независимо от конкретной формы ее осуществления.

Если *злорадство пассивно, созерцательно, умозрительно*, то *подлость активна, деятельна, энергична*. Она преисполнена чувством хорошо исполненного долга, *сознанием* собственного достоинства и собственного же величия и великолепия.

Причинить вред *другому* сгоряча – безответственность.

Причинить вред *другому*, желая сделать ему как можно лучше – глупость.

Сделать несчастным *другого* для пользы дела – цинизм.

Сделать несчастным *другого* для своей собственной пользы – эгоизм.

Причинение несчастья *другому* из-за полного безразличия к его судьбе – жестокость.

Причинение несчастья *другому* для того, чтобы насладиться его страданиями – садизм.

Подлость отличается и от жестокости, и от садизма. От жестокости – тем, что *подлец испытывает счастье от причинения им самим несчастья другому*; от садизма – тем, что садист наслаждается мучениями *другого*, а *подлец наслаждается собой: тем, как ловко ему удалось осуществить задуманное, а именно – сделать другого несчастным*.

Разных людей волнует и изумляет разное. Одного – как Иммануила Канта – звездное небо над ним и нравственный закон в нем самом. Другого – ... да мало ли что может волновать и изумлять другого. На то мы и люди, чтобы каждому из нас быть не просто своеобразным, но неповторимым в своей уникальности и уникальным в своей неповторимости. Как сказал Генрих Гейне, «каждый человек – это целый мир, который вместе с ним рождается и умирает» [18, с. 224]. И пока человек как целый мир жив, ему суждено жить среди людей (это – норма, иное – отклонение) – других миров, столь же неповторимых и уникальных, как и он сам.

Как *нам* жить вместе – таким разным и, тем не менее, связанным общей судьбой человечества как единой целостности?

Кем быть каждому по отношению ко всем и к каждому другому?

Казалось бы, на этот вопрос уже был дан ответ. Раз и навсегда: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [34, с. 1019]. Окончательно и бесповоротно. Тем более что этот, содержащийся в Евангелии от Матфея, ясный, отчетливый и совершенно недвусмысленный ответ получил свое развитие и подтверждение в категорическом императиве Иммануила Канта: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [44, с. 197]. Между евангельским мудрецом и кенигсбергским философом хронологически и содержательно вклинился один из лучших друзей Эразма Роттердамского – Хуан Луис Вивес, провозгласивший: «С людьми ты должен поступать так, как желаешь, чтобы поступал с тобой Христос» [67, с. 99].

Нетрудно заметить, что три разных и, по меньшей мере, незаурядных человека, принадлежавших к трем различным эпохам, сказали по сути дела одно и то же. Таким образом, *круг поиска ответа* на поставленный вопрос (см. чуть выше) *свелся в точку* совпадения авторитетнейших заключений. Как говорится, оставь сомненья, всяк, сюда входящий. Безальтернативно. Ничего другого не остается, кроме того, чтобы принять полученный ответ как команду, то есть, к неукоснительному и безоговорочному исполнению: «Цели ясны, задачи поставлены. Теперь – за работу, товарищи!» Казалось бы. Однако *категоричность императива (приказа, команды, настоятельного требования, повеления) не гарантирует его универсальной действительности, а мнение признанных авторитетов не является достаточным доказательством абсолютной истинности самого мнения*.

В поведении людей наблюдается абсолютная идентичность. Но – при одном обязательном условии: если все они – трупы. Живым же людям – до тех пор, пока они живы – свойственно сомневаться и колебаться, выбирать и принимать решения, в том числе – по отношению к поступающим в их адрес императивам (приказам, командам, настоятельным требованиям, повелениям).

Выбирать всегда есть из чего.

Даже, будучи связанным по рукам и ногам, попавший в плен к самураям японский ниндзя, дабы не подвергаться страшным пыткам, откусывал себе язык и умирал от болевого шока или от потери крови, сделав свой собственный выбор.

Безвыборных ситуаций не бывает.

Подлецами не рождаются: подлецами становятся. В результате собственного выбора.

Как сказал в одной из самых скандальных своих книг философ-изгой Александр Зиновьев, «умение делать подлость достигается не сразу, и чтобы стать выдающимся подлецом, надо иметь к этому способности, а также долго и упорно учиться» [38, с. 82].

Учиться есть у кого – у тех, кто однажды уже сделал свой выбор – в пользу подлости – и последовательно ему следовал на протяжении всей своей последующей жизни подлеца.

Рекомендацией евангельского Матфея и соответствующими ей вивесовским призывом и кантовским категорическим императивом ***предлагается*** – с определенной мерой настойчивости – лишь один из возможных вариантов принципа поведения человека по отношению к другим людям. Следовать же или не следовать именно этому варианту принципа поведения выбирает каждый человек для себя сам.

Число вариантов, из которых приходится выбирать, равно четырем. Не больше и не меньше. Число это не несет в себе никакой мистически-магической нагрузки: оно – лишь результат произведенного простейшего арифметического действия – умножения «два на два». Первое «два» – «либо делай, либо – не-делай» по отношению к другому. Второе «два» – «что хотел бы или что не-хотел бы», чтобы ***другой*** (человек ли – как у евангельского Матфея, Христос ли – как у Хуана Луиса Вивеса, кто угодно ли, кто подчинен законам природы – как у Иммануила Канта) делал тебе. Умножая первое «два» на второе – опять-таки, «два» – получаем «четыре», что и требовалось доказать.

Если принять за ***первое*** из четырех возможных сочетаний «делай – не-делай» с «хотел бы – не-хотел бы» кантовско-вивесовско-матфеевский (в дальнейшем – для краткости – кантовский) категорический императив, то остается выяснить содержание трех остальных сочетаний.

Вторым (если – хронологически, то, все-таки, следовало бы – первым, поскольку автор, раскрывший содержание этого варианта жил задолго не только до Иммануила Канта, Хуана Луиса Вивеса, но и до авторов Нового завета, в который входит Евангелие от Матфея) рассмотрим не-категорический (поскольку он не носит характера обязательного) не-императив (поскольку он не повелевает) Конфуция (Кун-цзы): ***«Я не желаю другим делать то, что я сам не хочу, чтобы они делали это мне»*** [50, с. 44].

С позиций формальной логики то, что сказано здесь Конфуцием, полностью совпадает со смыслом кантовского категорического императива, поскольку в формальной логике двойное отрицание означает утверждение: «не-не-А» есть «А»; в данном случае – «не-делать того другому, чего не-хочешь, чтобы другой делал тебе» есть «делать другому то, чего хочешь, чтобы другой делал тебе». Но формальной логикой вся логика не исчерпывается. На сегодняшний день существуют, функционируют и успешно применяются такие логики, как модальная и деонтическая; математическая и конструктивная; интенциональная и экстенциональная; релевантная и интуиционистская; многозначная и комплексная; нормативная и диалектическая. В тех из них, в которых форма мысли рассматривается без отрыва от содержания того, о чем мыслится, представленные здесь ***формально тождественные*** друг другу высказывания Канта и Конфуция ***нетождественны по своей сути***. Если ***Кант настаивает*** на том, чтобы люди делали то-то и то-то, то ***Конфуций предпочитает предоставлять человеку право делать все, что тому заблагорассудится, учитывая лишь при этом нежелательность делания другому того, чего не хотелось бы, чтобы другой делал это тебе***. Подходы Канта и Конфуция к одной и той же, рассматриваемой здесь проблеме, несмотря на их формально-логическую тождественность, оказываются нетождественными. В данном конкретном случае с позиций любой содержательной (не-формальной) логики «не-не-А» не есть «А».

Свой (присвоим ему ***третий*** порядковый номер) вариант сочетания: «делать – не-делать» другому то, что «хочешь – не-хочешь», чтобы другой делал тебе, предложил Бернард

Шоу, без экстравагантных идей которого редко обходится обсуждение какой бы то ни было сколько-нибудь значимой проблемы. Б. Шоу без обиняков заявил: *«Не навязывай (не делай – Б. П., Е. П.) другому того, чего хотел бы себе: вкусы различны»* [113, с. 17].

И, наконец, *четвертый* – из четырех теоретически возможных вариантов рассматриваемого сочетания – тот, который по сей день остается без автора: *делай другому то, чего не хотел бы себе*. Анонимность этого варианта не случайна: ведь именно в нем сосредоточено *кредо подлеца*. Ни один подлец до сих пор не взял на себя ответственность за появление, проявление и применение *такого* кредо, хотя каждый подлец именно *таким*, только *таким*, исключительно *таким кредо* и руководствуется.

Принято за аксиому считать, что каждый хочет, чтобы у него все было и чтобы ему за это ничего не было. Однако всякая аксиома имеет свою область действительного, то есть, существующего с необходимостью применения. Так например, параллельные прямые *не пересекаются* только в области, ограниченной рамками евклидова пространства, то есть такого, радиус кривизны которого равен бесконечности, но они *пересекаются* в любом криволинейном, например, Лобачевского – Римана пространстве.

Абсолютных аксиом не бывает.

Не-каждый хочет, чтобы у него было все.

Как известно, Сократ, придя как-то раз на базар, выразил свое изумление тем, как много, оказывается, существует вещей, которые ему никогда не понадобятся.

В отличие от Сократа, любой подлец страстно желает не только *иметь* все, на что он «положит глаз», но еще и чтобы при этом расплачивались за все его *имение* другие люди: их здоровьем, их благополучием, их жизнями.

Внешне подлец вполне похож на человека: руки, ноги и все такое прочее. Однако в подлце, в отличие от человека, наличествует дополнительный *орган: имения за счет другого*. Таким органом у подлеца является его *непоколебимая уверенность* в том, что каждый *другой* (кроме того, кто превосходит его самого в подлости) слишком глуп для того, чтобы быть таким коварным, как он, и слишком труслив для того, чтобы быть таким жестоким, как он.

Подобные органы имения за счет другого (этакие кровосасывающие хоботки) наличествуют у всех паразитов. Например, как пишет Альфред Брем в своем знаменитом сочинении «Жизнь животных», у клещей «спереди всегда имеется выемка, где помещается сосательный хоботок, который у всех клещей хорошо развит и имеет очень сложное устройство. Когда представляется случай укусить, клещ крепко вцепляется своими зазубренными челюстями в кожу животного и, выдвигая хоботок, сильно нажимает им, словно стараясь пробуравить; в то же время выдвигаются с обеих сторон челюстные сяжки, которые своими заостренными концами прокладывают путь нижней губе; последняя снабжена зазубринами, обращенными назад, которые препятствуют ей двигаться назад. Когда хоботок таким образом проникнет далеко в глубь ранки, челюстные сяжки отгибаются в стороны, как лапы якоря, и клещ, поместившись столь удобно и прочно, начинает сосать кровь» [7, с. 322].

Однако паразитирующие животные или растения имеют лишь *ограниченные* их естественными потребностями *претензии* к паразитируемому ими организмам.

У подлеца же претензии к другому безграничны.

Для подлеца любой другой – не более чем средство, которое можно и нужно максимально использовать в своих собственных целях.

Если *другому* это не нравится, то тем хуже для другого.

Подлец *глубоко убежден* в справедливости принципа: каждому – свое. Как говорится, «богу – богово, кесарю – кесарево». Подлецу – хорошее. *Другому* – остальное.

Отсюда – *лозунг подлеца: «Я ВСЕГДА ГОТОВ делать другому то, чего я не хотел бы, чтобы другой делал мне!»*

Не трудно заметить, что этот лозунг существенно отличается от категорического императива Иммануила Канта. Но по отношению к кантовскому императиву как «А» и позиция Конфуция, и кредо Бернарда Шоу являются «не-А». Означает ли это, что библейский Матфей, Хуан Луис Вивес и Иммануил Кант оказались по одну сторону баррикады, а Конфуций, Бернард Шоу вместе с каждым приверженцем *кредо подлеца* – по другую ее сторону?

С позиций формальной логики – да, означает: первый закон классической (формальной) логики – закон тождества гласит, что «А» равно «А». Всегда и везде. Везде и во всем. Отныне и во веки веков.

В таком случае, сообразуясь с той же самой формальной логикой, «не-А» должно быть равно «не-А». Всегда и везде. Везде и во всем. Отныне и во веки веков.

К счастью, формальной логикой вся логика не исчерпывается.

Ахиллесовой пятой формальной логики является двусмысленность самого понятия «не-А»: под ним может скрываться и контрарная (полярная, диаметрально) противоположность «А», как например, черное по отношению к белому, и контрдикторная противоположность, то есть все то, что не является «А». По отношению к белому цвету это может быть и оранжевое, и голубое, и розовое, и радужно-разноцветное, и фиолетовое в крапинку.

Содержательная же логика (в любом из ее проявлений) выдвигает требование *конкретности* понимания и истолкования содержания и смысла понятий, которыми оперируют.

Формальная логика – в силу неотъемлемого, генетически присущего ей свойства – отрывать форму мысли от ее содержания – становится в руках проходимцев и подлецов универсальным инструментом, своего рода «палочкой-выручалочкой», при помощи которой можно, производя жонглирование содержанием понятий, манипулировать сознанием одурачиваемых.

Как в руках ловкого наперсточника стаканчик с шариком внутри него вдруг – о, чудо! – становится пустым, так у манипулирующего сознанием других предатель вдруг становится патриотом, трус – осмотрительным и дальновидным человеком, дурак – своеобразно мыслящим, лгун – извращенно понятным, подлец – незаслуженно оскорбленным, ржавое – золотисто-оранжевым. Только что «не-А» было *контрарной* (полярной, диаметральной) противоположностью по отношению к «А», было «черным» по отношению к «белому», и вдруг – о, чудо! – стало *контрдикторной* противоположностью, то есть всем тем, что не является «А»: по отношению к «белому» – «розово-голубым», «вишнево-малиновым», «фиолетовым-в-крапинку».

Само же *белое* бывает *разным*: от крыльев херувимов и одежд последователей Гиппократов, до саванов преставившихся и одежд волков в овечьих шкурах.

Способность к манипулированию сознанием *другого* через подмену содержания понятий для *подлеца* – предмет его особой гордости, вызывающий у него прилив самовосхищения и пароксизм самодовольства.

Подлец кичится своим исключительным умом и сообразительностью как проявлениями собственной мудрости.

На самом же деле *там, где у человека полагается пульсировать живой, трепетной – дышащей, видящей, слышащей, понимающей, чувствующей и со-чувствующей мудрости, у подлеца торчит мертвое: хитрость, коварство и изворотливость – скрипящие протезы мудрости.*

Как волк-людоед отгрызает свою попавшую в капкан лапу, так подлец-людоед ампутирует ставшие ему обузой зачатки мудрости и остатки совести. На место живого он приспосабливает к себе мертвое: сработанные по последнему слову бездушной PR-техники и бессовестной политехнологии функциональные устройства, обеспечивающие головокружительное продвижение к «зияющим высотам» [38, с. 0 – 314] благоденствующей подлости.

Если «*глупость – это казненная мудрость*» [79, с. 128], то *подлость – это ампутированная совесть*, обрезанная «под самый корешок» вместе с зачатками мудрости. Подлецу, как известно, все к лицу. Будучи по своей сути моральным уродом, подлец считает себя нрав-

ственным красавцем, и любит, и гордится своими протезными достоинствами, как Нарцисс своими, тешащими его прелестями.

Подлец при каждом удобном случае – а для него все случаи удобны, поскольку ему неведомы такие понятия, как стыдно, неудобно, неловко – изрекает: «**Я!**», – сопровождая это сакраментальное местоимение словесами: «*глубоко убежден*». По мнению подлеца такое словосочетание должно производить чарующее, магическое воздействие на всех кому выпало несказанное счастье лицезреть его и внимать ему.

Подлецу и невдомек, что еще двадцать восемь веков назад безымянный автор древнеиндийской «Дхармы» сформулировал интегрированный индекс, с помощью которого и сегодня можно безошибочно судить о мере ничтожности каждого конкретного человека: «*Ничтожен тот, кто любит говорить о чужих недостатках или о своих добродетелях*» [31, с. 19].

Достаточно подсчитать, сколько раз местоимение «**Я**» встречается в выступлении того или иного деятеля, разделить полученное количество на суммарное число слов, содержащихся в этом выступлении, чтобы получить тем самым статистически точный индекс ничтожности выступающего. Колебания этого индекса от выступления к выступлению будут весьма незначительны: его величина зависит не от того, о чем идет речь, а от того, кто ведет речь. Темы речей подлеца могут варьироваться в достаточно широких пределах, сущность же речащего их неизменна.

Глубокая убежденность, о хроническом наличии которой у «себя, любимого» так любит распинаться подлец, на самом же деле, как заметил Александр Зиновьев, «есть признак интеллектуальной недоразвитости. Убеждения суть лишь компенсация за неспособность точно понять данное явление в его конкретности. Это – априорные установки на то, как поступать в конкретной ситуации без понимания ее конкретности. Человек с убеждениями догматичен, зануден и, как правило, глуп. Убеждения не влияют на поведение людей. Они лишь украшают тщеславие, оправдывают нечистую совесть и маскируют глупость» [39, с. 131].

Подлец не может и не хочет отказать себе в удовольствии при каждом подходящем случае – а для него все случаи – подходящие – напомнить о важности своей собственной персоны. Он обожает перечислять все свои многочисленные титулы и звания, к завоеванию которых он стремится с упорством, настойчивостью и нахрапом, заслуживающим изумления. Для него *честь иметь* титулы и звания неизмеримо значительнее и важнее и существеннее, чем *иметь честь* (см.: [10, с. 373]).

В чем подлец безусловно прав, так это в том, что для своих протезов в виде хитрости, коварства и изворотливости он всегда может найти точку опоры. Она возникает и существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку щебенка глупости оказывается намертво сцепленной цементом наивности. *До тех пор, пока будет существовать благочестивая, благонравная глупость вкупе со «святой», доверчивой наивностью, разномастная подлость может не беспокоиться о своих перспективах: светлое будущее ей гарантировано.*

Наивность – не признак глупости. Более того, наивность не самождественна самой себе. Только с позиций формальной логики, первый, основополагающий закон которой – закон тождества безапелляционно гласит: «**А**» равно «**А**» – всегда и везде, везде и во всем, отныне и во веки веков, – наивность содержательно однородна.

Тысячу лет назад великий Абу Али Ибн Сина (он же – Авиценна) вбил неизвлекаемые гвозди в крышку гроба закона тождества как универсального, всеобъемлющего и всеподчиняющего себе, сказав просто и ясно: «У каждого лекарства есть младенчество, юность, старость и смерть» [40, с. 20]. Лекарство («**А**»), пережившее свою старость, перестает быть лекарством («**А**»), и становится ядом («не-**А**»).

*Формально-логический закон тождества, гласящий: «**А** = **А**» – не-абсолютен.* Он имеет ограниченную область действительного, то есть – существующего с необходимостью своего применения. За пределами указанной области этот закон не действует. Соответственно,

наивность = наивность – только в границах определенной рамками **формальной логики** области. За этими границами находится область **логики содержательной**, обязывающей производить **не мошенническую подмену** содержания понятия, по сути дела – подлог, при котором заурядная шестерка (игральная карта из карточной колоды = «А») в руках шулера чудодейственным образом вдруг превращается в козырного туза (игральная карта из той же карточной колоды, то есть, с позиций формальной логики – тоже = «А»), **а скрупулезное исследование** конкретного его содержания.

Наивность как детская непосредственность восприятия мира, как незамутненность сугубо меркантильными, утилитарными, прагматичными – увы, такими прилипчивыми ко взрослым людям – соображениями, **нетождественна наивности как инфантильности, как недоразвитости, как заторможенности в развитии.**

Наивная, «детская» мудрость «Маленького принца» Сент-Экзюпери, живописи Нико Пиросмани и Анри Руссо нетождественна наивной склонности инфантильного обывателя **принимать слова подлецов за их мысли, жесты проходимцев за их действия.**

Гнев своих жертв подлец ВСЕГДА ГОТОВ обернуть против своих же врагов.

Бесспорно, **плох тот подлец, который не мечтает стать тираном.** Однако против примитивного тирана существует примитивный же, но, тем не менее, достаточно грозный и эффективный «булыжник – оружие пролетариата» (вспомним одноименную псевдоклассическую скульптуру И. Д. Шадра), маргинального псевдо-пролетариата, люмпен-пролетариата. Подлец, безусловно, об этом знает и он это понимает. Поэтому тиран как таковой, тиран в чистом виде (если по отношению к тирану применимо сочетание его хотя бы с чем-то чистым) безвозвратно канул в Лету вместе с примитивными орудиями четвертования и колесования как неизменными атрибутами тирании.

На смену монстровидному тирану на историческую авансцену выходит видная, обаятельная фигура, прилежно демонстрирующая миру девственную чистоту своих рук и убедительно уверяющая мир в столь же девственной чистоте своих помыслов. Не случайно же Адольф Гитлер произносил свое сакраментальное – всхоленное, взлелеянное, выпестованное им: «Совесть – жидовская выдумка» [86, с. 173], – всегда только в «узком кругу ограниченных людей», и никогда – на публичном выступлении.

Природе не хватило фантазии и изобретательности, чтобы породить гибрид хищника с паразитом. В природе есть: отдельно – хищники, отдельно – паразиты. Как говорится в классическом законе классической (формальной) логики, «или – или», третьего не дано (*tertium non datur*).

В людском сообществе этот закон не действует: нет непреодолимой пропасти между тираном и подлеем, поскольку существует еще и некий мутант – гибрид тирана с подлеем. От тирана гибрид унаследовал патологическую жестокость, нетерпимость к инакомыслящим, инакоговорящим и инакодействующим. От подлеца – на законном генетическом основании – хитрость, изворотливость и коварство.

Гибрид тирана с подлеем ненасытен: сколько бы ни было у него власти и денег, ему их будет мало. Где взять недостающее? У других людей. Как? С помощью третьих людей, которых ради такого дела рассматриваемый гибрид готов назвать друзьями, попользоваться ими до тех пор, пока получается извлекать из них выгоду, и «слить» их, как сливают в канализацию ненужное содержимое унитаза, то есть, выбросить их из своей памяти, а еще лучше – из числа живых сразу же, как только они исчерпают свой ресурс полезности гибриду. Это – практическое воплощение гибридом **кредо подлеца**, то есть постоянной готовности делать другому то, что не хочешь, чтобы другой делал тебе.

Таким образом, можно считать установленным, что **кредо подлеца несовместимо** с категорическим кантовским императивом, гласящим: «Делай другому то, что хотел бы, чтобы другой делал тебе». Оно – его **антипод**.

В то же время и позиция Конфуция, и рекомендация Б. Шоу, не совпадая в деталях, в частности с кантовским императивом, тем не менее, совпадают с ним в главном, в принципиальном, в основополагающем: в отношении человека к другому человеку.

Более того, и Кант, и Вивес, и евангельский Матфей, и Конфуций, и Б. Шоу *фактически* высказали одну и ту же принципиальную позицию, хотя и в разных ее интерпретациях, выражающих различные ее стороны, но проявляющие *единую для всех них суть: относиться к другому человеку так, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе.*

Иными словами:

– хочешь, чтобы другой признавал и соблюдал твои права и твои свободы? Хочешь. Тогда, будь любезен, признавай и соблюдай его права и его свободы;

– хочешь, чтобы другой считался с твоими взглядами и с твоими представлениями? Хочешь. В таком случае изволь считаться с его взглядами и с его представлениями;

– хочешь, чтобы другой уважал твое мнение и твой вкус? Хочешь. Найди в себе мужество уважать его мнение и его вкус;

– хочешь, чтобы другой уважал тебя? Хочешь. Уважай его. Ведь каждый человек достоин уважения: априорно, доопытно, изначально – уже просто потому, что он – человек. И он будет достоин уважения до тех пор, пока своими действиями или своим бездействием не начнет доказывать обратного.

Кредо же подлеца – «Я ВСЕГДА ГОТОВ делать другому то, чего не хотел бы, чтобы другой делал мне!» – фактически гласит о том, что *другой обязан* признавать и соблюдать мои права и мои свободы; *другой должен* считаться с моими взглядами и моими представлениями; *от другого требуется* непременно уважать мое мнение, мой вкус и меня самого. При этом я *другому* ничего не должен, я ему ничем не обязан, и от меня не требуется по отношению к *другому* ничего: *всем, кому я должен, я прощаю.*

Если Конфуций, евангельский Матфей, Хуан Луис Вивес, Иммануил Кант и Бернард Шоу исходят из того, что *другой* – это такой же, как я, только – другой, то для подлеца другой – это жалкая пародия на меня, и, соответственно, он – в отличие от меня – заслуживает жалкой участи.

В непрекращающейся битве: зла против Добра; подлости, совокупившейся с глупостью, против Разума и Совести – мутант-гибрид тирана с подлецом вместе с примкнувшими к нему благочестивой глупостью и инфантильной наивностью находятся по одну сторону баррикады.

Конфуций, евангельский Матфей, Хуан Луис Вивес, Иммануил Кант и Бернард Шоу – при всех различиях между их позициями – по другую.

Битва продолжается.

СМЕХ ПРОТИВ СТРАХА

«Человек – единственный в мире, кто страдает так сильно, что вынужден был изобрести смех».

Фридрих Ницше

Эразм Роттердамский (он же – Герхард Герхардс – Б. П., Е. П.) жил в страшное время: «Horribile dictum. Horribile audity. Horribile visu». – «Страшно сказать. Страшно услышать. Страшно увидеть».

Бояться было чего. «Все нельзя! Нельзя вести суетные разговоры, нельзя в мудрствованиях проявлять безбожное любопытство, искать истину за пределами катехизиса, нельзя жить по своему разумению! Все нельзя» [117, с. 93].

Один из лучших друзей Дезидерия (Эразма из Роттердама) Хуан Луис Вивес в своем письме ему (от 10 мая 1534 г.) с горечью отчаяния признался: «Мы живем в столь тяжелое время, когда опасно и говорить, и молчать» [117, с. 252–253], – ведь, согласно «Edict de la fe» («Эдикту о вере», подписанному главой католической церкви в 1525 г.) *каждый был обязан доносить на любого, кто мог быть заподозрен в ереси*. Аминь.

*«Как бы страшась зимы холодной,
Людей сжигали, как дрова».*

Х. Л. Вивес [124, с. 187].

Человек не может постоянно жить в страхе. Страх подавляет волю, угнетает разум, заставляет забывать о чести и совести. Человек, находящийся в постоянном состоянии страха, перестает быть человеком. Или перестает жить.

Страшно бывает всем: и трусам, и героям.

Герой – не тот, кто ничего не боится, а тот, кто может преодолевать свой страх.

Героями, как, собственно, и подлецами, не рождаются. Героями, как и подлецами, становятся.

Героями восхищаются. Героев ненавидят. Героев боятся.

Для одних герой – идеал: для тех, кто сам хотел бы научиться превозмогать свой страх.

Для других герой – препятствие в достижении их собственных, подлых целей.

Для третьих герой – угроза их собственному, уже построенному ими на своей подлости и на чужой глупости и на чужом страхе, благополучию.

Само название главного детища Эразма Роттердамского – «Похвальное слово глупости» (чаще переводится как «Похвала глупости») содержит в себе не просто насмешку, а издевку над «святой святых», над «священной коровой», являющейся по совместительству еще и дойной для господствующих подлецов. Ведь благопристойная глупость, слепая доверчивость, инфантильная наивность и панический страх – лишь разные соски одного и того же вымени одной и той же дойной коровы: рабской покорности, приносящей господствующей и процветающей подлости баснословные барыши.

Издеваться над глупостью – значит подрывать устои такого «миропорядка», в котором «стабильный социальный мир» и «устойчивый порядок» обеспечиваются за счет *всемирного* (выражаясь современным языком, глобального – Б. П., Е. П.) *господства права как воли господствующего клана, возведенной в закон*.

Подданный, лишенный предписываемой ему властвующими над ним подлецами, всячески насаждаемой и поощряемой ими в нем глупости, представляет собой реальную угрозу для их благоденствия и процветания.

Каждый сюзерен мечтает о том, чтобы был издан неотменяемый *эдикт*, согласно которому на лбу каждого лишённого глупости вассала было бы каленым железом выжжено: «Мыслию, следовательно, совершаю преступление».

Не зря же в древнекитайской книге «Даодэцзин» сказано: «Когда народ много знает и много понимает, им трудно управлять» [29, с. 320].

По прошествии двух с половиной тысяч лет после написания этой книги гауляйтер (генерал-губернатор) Польши Ганс Франк *практически* подтвердил сказанное древнекитайским мудрецом: «Священники будут оплачиваться нами, и за это будут *проповедовать то, что мы захотим*. Если найдется священник, который будет действовать иначе, разговор с ним будет короткий. Задача священника заключается в том, чтобы держать поляков спокойными, глупыми и тупоумными» [72, с. 634].

Наивно предполагать, что другие гауляйтеры других территорий и других времен руководствовались иными принципами.

Сохранилось письмо, относящееся к четвертому веку нашей эры, в котором его автор – некий Палладий, искренне сокрушаясь, делится со своим адресатом – неким Пасифилом своими, чрезвычайно волнующими его проблемами: «Не знаю, так ли у всех господ, *но мне с трудом удается найти способ умерить сообразительность своих рабов* (курсив – Б. П., Е. П.). Так природа часто портит полезное, если оно и существует, и смешивает желаемое с тем, что ему противоположно. Проворство переходит в преступление, нерасторопность же принимает вид услужливости; при этом она так же далека от живости ума, как далека она от злодейства» [116, с. 56].

Не случайно, что на невольничьих рынках Римской империи действовало законодательно закрепленное правило: продавец товара (раба) обязан в «сопроводительном документе» к продаваемому товару указывать все его недостатки, как то: болезни и другие физические изъяны, дурные наклонности, и... наличие образования – образованный раб стоил в два раза дешевле точно такого же, но необразованного.

Что касается «спокойных, глупых и тупоумных» подданных, то, *как заметил Эразм Роттердамский в «Похвале глупости», «Все цари любят дурачков»* [88, с. 47]: *ими управлять легко*. Примерно – как скотом, ведомым к его «светлому будущему», то есть – на скотобойню.

«Похвальное слово глупости» возникло не на пустом месте. Ему непосредственно предшествовала едкая и сочная «Адагия» (составленный и изданный Эразмом сборник пословиц и поговорок, сопровождавшихся его же толкованием и комментариями), и, как минимум, два «Корабля дураков»: один – написанный чернилами на бумаге; второй – красками на холсте.

Автор первого – Себастиан Брант (1457–1521 г. г., доктор «обоих прав» – канонического и гражданского) – издал свой «Das Narrenschiff» («Корабль дураков») в Базеле еще в конце XV-го века – в 1494-м году. Практически сразу же после него свой вариант того же самого «корабля» – уже живописный – создает великий художник-философ Хиероним Босх – соотечественник и современник Эразма.

Вот что говорится в «Корабле дураков» С. Бранта: «Толпа дурней растет без конца. Все они... первое место отводят богачу, невзирая на то, что голова его украшена ослиными ушами...» [83, с. 36].

Воистину, благодатная глупость – благодатная почва для благоденствия подлости, что и фактически подтвердил вскоре после Себастиана Бранта, Хиеронима Босха и Эразма Юлий III – папа римский (1550–1555 г. г.): «An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur?» – «Сын мой, разве ты не знаешь, как мало ума требуется, чтобы управлять миром?»

То есть, достаточно сделать всех людей в мире идиотами, и – управляй себе на здоровье всем этим миром! Перспектива для подлеца – более чем заманчивая, и потому – горе тому, кто окажется у него на пути! Эразм Роттердамский оказался поперек дороги подлецов к их

неограниченному господству. Оказался вполне добровольно и совершенно сознательно. Как же, в таком случае, ему удалось выжить в такой ситуации и дожить до преклонных лет? Ведь это же – явный парадокс, вернее, один из парадоксов, связанных с именем Эразма и с судьбой: его самого и главного его произведения – «Похвального слова глупости». Но *всякий парадокс* (от греч. παράδοξος – неожиданный, удивительный) *есть противоречие, неразрешимое лишь с позиций формальной логики. С позиций же любой содержательной логики парадокс – не более чем мысль, существенно расходящаяся с общепринятыми представлениями.* Любое мало-мальски значительное открытие обязательно проходит в своем становлении эту мучительную стадию: быть парадоксом. До тех пор, пока само не станет общепринятым представлением. До следующего парадокса.

ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ

«...и гений – парадоксов друг».

А. Пушкин

«Тройка, семерка, туз»... Судьба?

Три года (с 1509 г. по 1511 г.) Эразм из Роттердама созданную им «Похвалу глупости» не мог опубликовать.

Семь дней потребовалось ему для ее написания (см.: [66, с. 15]).

Полтысячи лет она находилась под запретом (с 1559 г., когда впервые был издан «Индекс запрещенных книг», утвержденный Верховным инквизитором Вальдесом, и по 1966 г., когда после многочисленных переизданий – дополненных и усовершенствованных – этот «Индекс» был упразднен).

В разное время компанию «Похвале глупости» в упомянутом «Индексе» составляли не только работы Джордано Бруно, Коперника и Галилея, что, в общем-то, было вполне прогнозируемым, но и труды французских просветителей-энциклопедистов, и (по-видимому – на всякий случай) «Три мушкетера» Александра Дюма-отца, и «Собор Парижской богородицы» Виктора Гюго [53, с. 35].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.